
Н. Ф. ТАКОЕВА

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ И ПОМИНАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ ОСЕТИН В XIX ВЕКЕ

В XIX в. обряды официальных религий у осетин сосуществовали с древнеязыческими, которых они продолжали придерживаться. Большая часть осетин официально исповедовала христианство, остальные — магометанство.

Христианство, распространявшееся среди алан византийцами еще в VI в., а затем среди осетин грузинскими и русскими миссионерами, мало повлияло на состав их религиозных верований. Осетины усвоили некоторые христианские обряды, соблюдали не очень строго некоторые посты, отмечали ряд праздников, чтли некоторых христианских святых, представления о которых порой переплетались с представлениями о древних языческих божествах. Осетины-магометане также неглубоко восприняли эту религию и держались древних языческих верований и обрядов. Особенно ярко это сказалось в отношении погребальных и поминальных обрядов. В основе всех этих обрядов лежала вера в загробную жизнь предков, в необходимость снабжения их пищей, питьем, одеждой. Осетин верил, что души умерших предков влияют на судьбы живых и заботу о них должны проявлять родственники.

В древние времена предки осетин хоронили покойников, снабжая их одеждой, оружием, утварью, орудиями из бронзы и железа. Археологические материалы кобанской культуры с территории Осетии (культура поздней бронзы и раннего железа II—I тысячелетий до н. э.) говорят о том, что племена — носители этой культуры клали с покойниками в захоронениях топоры, серпы, кинжалы, пояса, фибулы, шлемы, налокотники и т. д. В наземных, полуподземных и подземных склепах раннего и позднего средневековья также встречаются орудия, оружие и утварь. Склеповые сооружения горной Осетии служили коллективными родовыми, а позже фамильными усыпальницами. Полагают, что они использовались населением в течение многих веков.

Так, в селении Архон Архонского ущелья несколько склепов принадлежало фамилии Икаевых, а другие — трем родственным фамилиям Карасаевых, Камарзаевых и Цопановых, некогда выделившимся из одного рода. Эти три фамилии и в XIX в. еще сообщали справляли поминки, но хоронили уже не в склепах, а в могилах около древних склепов. Там же находились склепы двух других родственных фамилий — Темеркановых и Боцоевых¹.

В XIX в. большинство предметов, которые раньше реально клались с погребаемым, стало лишь изображаться на надмогильном столбе. Памятные столбы пирамидальной формы складывались из отесанных камней; устанавливались также столбы из цельных плоских каменных плит. Иногда на последних высекались изображения человеческих голов. Каменные надгробья искусно украшались резьбой, в которой преобладал геометрический, растительный и зооморфный орнамент. Среди резчиков по камню особенно известны были у северных осетин мастера из селения Заманкул, которым из разных сел Осетии заказывали надгробья.

На лицевой стороне памятного столба, наряду с крестом у христиан и полумесцем у магометан, высекались на камне или вырезывались на дереве, или наносились краской изображения вещей, якобы необходимых покойнику в стране мертвых (мардты баста).

В изображениях на памятных столбах можно видеть свидетельства переплетения христианских и дохристианских анимистических представлений осетин. Нами в 1947 г. стопиран на кальку в селении Лац Куртатинского ущелья такой памятный столб. На лицевой стороне этого столба, богато украшенного геометрическим и растительным орнаментом и изображениями птиц, имеется также изображение креста (свидетельство того, что погребенный был христианином), оружия, газырей, обуви и кузина для умывания. С переселением части осетин с гор на равнину каменные надгробья иногда заменялись деревянными, а на могилах христиан устанавливались деревянные и металлические кресты.

¹ Записано автором со слов У. Д. Темерканова, 65 лет, в селении Архон в августе 1947 г.

К погребальным древнеязыческим обрядам относится также и посвящение коня. По поверью, для совершения путешествия в страну мертвых покойному нужен конь. В древности коня убивали на могиле, но со временем обряд видоизменился, и в XVIII в. коня уже не убивали, а отрезали ему правое ухо, которое клали в могилу. В XIX в. вместо уха у коня отрезали немного шерсти.

В 1840-х годах академик А. М. Шегрен наблюдал в Осетии обряд посвящения коня в следующем виде. Перед опусканием покойника в могилу к раскрытому гробу был подведен в полном убранстве конь. Старец — посвяtitель коня (бахвалдисаг) приблизился к нему, взял его за уздечку и произнес посвящение. Он описывал предстоящий покойному путь по стране мертвых и предостерегал его от грозных опасностей. Затем, обращаясь к покойнику, посвяtitель сказал, что лица, одежда, оружие и лошадь даются ему для того, чтобы он не нуждался в них в стране мертвых. Говоря речь, старец обвел коня три раза вокруг могилы и остановился у ног покойника. В этот момент ему поднесли на овчине ячмень и в деревянной чаше пиво. Ячмень он дал коню, а пиво выпил, разбив чашу о голову коня, и осколки чаши бросил в могилу. Затем отстриг у коня кусочек шерсти и бросил его на покойника. И, наконец, взял с груди покойника косу его вдовы, три раза ударил ею коня и произнес: «Да будете вы принадлежать покойному», — затем положил косу обратно.

Посвящение косы (служившей в данном обряде плетью для коня) имело и другой смысл: вдова должна была принадлежать мужу и в загробной жизни.

Академик Шегрен пишет: «В добрую старину, у всех горцев существовал обычай вместе с конем обводить кругом могилы покойного и жену его и потом, отрезав у нее правое ухо, бросать его к покойному, тоже чтобы муж скорее узнал жену на том свете. Милый обычай этот существовал лет за 80 перед сим, т. е. до водворения русских. Теперь он заменен добровольным отрезанием косы... и то это делается у самых закоренелых приверженцев старины»².

Из записей конца XIX в. можно видеть, что обряд посвящения коня выполнялся в основном так, как наблюдал его Шегрен. У мусульман посвящение коня происходило не на кладбище, а во дворе дома перед выносом покойника. На кладбище же перед погребением мулла читал молитву.

Речь посвяtitеля коня изобиловала картинными, изображающими загробную жизнь. Грешники получают там наказание по заслугам, а праведники наслаждаются вечным блаженством³.

В обрядах посвящения коня и отрезания косы у вдовы умершего, несомненно, в пережиточном виде сохранились следы языческих обрядов глубочайшей древности, когда на могиле покойника приносились ему в жертву жена и конь.

Кажется, ничто из древнеязыческих верований и обрядов так крепко не укоренилось в дореволюционном быту осетин, как совершение многочисленных поминок по умершим. И ничто из этих обрядов не наносило такого большого вреда крестьянскому хозяйству, как поминки, — они были настолько обременительны, что нередко разоряли крестьян.

Согласно древним верованиям поминки представляли собой кормление мертвых: пища, съеденная на поминках, якобы переходила к мертвым. Отсутствие поминок, по этим верованиям, обрекало покойников на вечный голод и считалось самым тяжким преступлением. По свидетельству академика В. Ф. Миллера, «нельзя более оскорбить осетина, как сказав, что его мертвые голодают»⁴.

В течение первого года родственники справляли поминки по умершему 15—20 раз (в разных местностях Осетии число их варьировало). Кроме того, совершались в течение года еженедельные приношения на могилу в пятницу вечером.

Поминки (хист) делились на массовые и семейные. На первые приглашались жители всего села и многие из окрестных сел. На семейных поминках, кроме близких родных, присутствовали и родственники-однофамильцы.

Для первых поминок — в день похорон (харнаг⁵) резали большое количество скота, так как приглашались все присутствовавшие на похоронах, нередко намного больше сотни человек. В 1930-х годах учитель селения Тибькау А. Г. Кучнев, 69 лет, вспоминал: «В этот день резали по меньшей мере одну корову или быка и пять баранов. Более же состоятельные семейства резали восемь голов крупного рогатого скота и пятнадцать баранов»⁶. Пиво варили в громадных медных остродонных котлах (цадджинаг). Для того, чтобы сварить пиво в таком котле, требовалось до 36 пудов ячменя.

В старину поминки устраивали коллективно, целым родом. В более близкое к нам время вся тяжесть поминок ложилась на семью покойного. Однако родственники

² А. М. Шегрен, Религиозные обряды осетин, ингуш и их современников при разных случаях, «Маяк», т. VII, 1843, стр. 88.

³ Осетины представляли себе страну мертвых (мардты баста) как преддверие в рай и ад. Барастыр — божество, наблюдающее за порядком в стране мертвых, определяет покойникам место в раю или аду. По этим представлениям, побыв некоторое время в стране мертвых, покойник входил навеки в рай или ад.

⁴ В. Ф. Миллер, Осетинские этюды, ч. II, М., 1882, стр. 287.

⁵ Харнаг — буквально «еда».

⁶ Запись Б. Боциева, Архив Северо-Осетинского научно-исследовательского ин-та, папка 112.

оказывали посильную помощь скотом, зерном, хлебом, деньгами, так как совершение таких поминок редкой семье было по средствам.

Поминки устраивались и на седьмой, и на сороковой день после смерти, и позднее в другие сроки. На совершение последних поминок производились взносы присутствующими на поминальном обеде в день похорон.

Верования осетин, согласно которым душа умершего продолжала обитать в оставленных покойным вещах, особенно явственно выступают в обрядах, совершавшихся на поминках, носивших название «сидение мертвых», или «бдение» (мартди бадан). Эти поминки совершались у осетин-христиан на шестой неделе великого поста, а у магометан — в первую неделю, следующую за Новым годом. По поверью, в эту ночь покойники выходят из страны мертвых и невидимо посещают свой дом. Поминки совершались ночью. В доме покойного собирались родственники, всю ночь не гасили огня, и бдение продолжалось до утра.

По описанию Н. Дубровина, в этот день пекли в память умершего пресный хлеб огромной величины, а один из родственников умершего стоял в углу комнаты с двумя палками в руках и плакал. От него отбирали палки, связывали их крестообразно и надевали на них одежды покойного⁷.

Вдова покойного (или кто-либо другой из родных) в присутствии всех надевали одежду покойного на крестообразную палку. Чучело сажали на скамейку и вокруг него раскладывали пищу, питье и любимые вещи покойного: оружие, трубки с табаком, музыкальные инструменты и т. п., а у магометан также медный кувшин и таз для омовений. Собравшиеся плакали и причитали по покойному, после чего все приготовленные кушанья и напитки съедались и выпивались присутствующими. За поминальным ужином один из родственников ел за двоих (считалось, что он ест и за покойного). По окончании трапезы гости всю ночь проводили в рассказах о загробном мире и воспоминаниях о покойном.

Кроме того, справляли следующие поминки: «утешение в день вознесения» (зардаваран), «заговение» (комахсан), «мясные поминки» (фыдхаран), «сырные поминки» (урсхаран), «поручение умерших детей почитаемым покойникам» (фадзахсан), «снятие траура» (саусан) и др.

Этот цикл завершался большими годовыми поминками (афадзи хист). Эти поминки, как и первые, в день похорон, были наиболее разорительными для крестьян.

Семья покойного заранее объявляла о своем намерении справить большие поминки и начинала готовиться к ним. Родственники оказывали посильную помощь, часто принимали участие в поминках и соседи. На эти поминки снова созывали все мужское население аула: «Общественный крикун накануне всех приглашает на хист. Утром на работы уже никто не выезжает»⁸.

Годовые поминки сопровождалась большими скачками (дуг) в память покойного и стрельбой в цель. В скачках принимали участие лучшие наездники своего и окрестных аулов. Съезжаясь на скачки, участники их останавливались у кого-либо из родственников или знакомых покойного. В этом доме также производились большие расходы в связи с приемом и угощением участников скачек.

Каждого наездника наделяли куском белого коленкора аршина в три, который перевязывался через плечо, что было отличительным знаком участника скачек. Скачки устраивались на дальние расстояния, а в горах — по труднодоступным дорогам и крутизнам. Такие скачки нередко кончались для некоторых участников трагически — падением в пропасть. Устраивалась также стрельба в мишень, повешенную на высоком шесте.

Французский путешественник Дюбуа де Монпере, посетивший Осетию в первой половине XIX в., оставил следующее описание годовых поминок и скачек: «Год спустя родственники задают большой пир в честь покойника. Все жители соседних селений, даже целых долин приходят принять участие. Чтобы увеличить торжественность праздника, иногда устраивают конские скачки, довольно длинные, по едва проходной тропинке. Тот, кому удастся проехать два раза, получает в подарок от 10 до 20 быков»⁹.

Во второй половине XIX в. призы победителям в скачках и в стрельбе в мишень раздавались деньгами или вещами покойного.

Малые скачки устраивались и при совершении поминок «сидение мертвых». На этих скачках участникам вручались шесты (алам), с нанизанными сладостями, орехами, пряниками. Эти шесты всадники возили по селу и его окрестностям, а на обратном пути наделяли сладостями детей.

Семьей покойного, как упоминалось выше, в пятницу вечером на кладбище ежедневно в течение года уносились лучшие продукты (куры, яйца, мясо, сыры, пироги, пиво и т. п.). Здесь собирались замужние женщины села (кроме молодых невесток). Существовали специальные плакальщицы из числа старух, которые подсаживались от одной могилы к другой и, попричитав, принимались за угощение; кроме того, часть припасов складывали в карманы. Собравшись группами у могил, поплакав и попричитав, женщины угощались и делились друг с другом аульными новостями.

⁷ Н. Дубровин, История войны и владычества русских на Кавказе, т. 1, кн. 1, СПб., 1871, стр. 299.

⁸ К - о в, Похоронные обряды у осетин, «Терские ведомости», 1901, № 20.

⁹ Dubois de Montpereux, Voyage autour du Caucase.. IV, Paris, 1839—1843.

Обременительность поминок была так велика, что и помощь родственников далеко не всегда спасала от разорения. Многим приходилось продавать последний клочок земли и скот. Народный поэт Осетии К. Хетагуров в стихотворении «Кто ты?», рисуя судьбу батрака, говорит, что ему пришлось идти в батраки, так как на поминки по отцу ушла вся его земля:

Жена помянула	Для этого землю
Его, как могла,	Она продала ¹⁰ .

М. М. Ковалевский также отмечает, что семьи, разорившиеся после поминок, продают землю. А прежде чем продать землю в чужие руки, по обычному праву полагалось предлагать ее родственникам. Предпочтительное право родственников на покупку ими земли Ковалевский объясняет тем, что она не выходила из рода и культ родовых божеств не терпел неизбежного в противном случае ущерба¹¹.

Обряд погребения человека, убитого молнией, был связан с древнейшими языческими верованиями, обожествлявшими силы природы. Осетины в древности верили в языческое божество грома и молний. С принятием христианства имя древнего божества было забыто и заменено именами христианских святых.

С древнейших времен осетины, как и грузины, отмечали языческий календарный праздник, связанный с зимним солнцеворотом. В этот день делали обрядовое печенье в виде сох, плугов, борон. Этот праздник был связан с предстоящим урожаем. Он посвящался божеству земли и плодородия Уацилла (у дигорцев — Басилта, у грузин — Бацилла) и отмечался в канун Нового года. В XIX в. обрядовое печенье делали в честь Уацилла в «день хлеба» (хоры бои) также в июне.

В кавказоведческой литературе божество земли и плодородия Уацилла принято связывать с христианским святым — пророком Ильей. Во второй половине XIX в. в представлениях осетин Уацилла, действительно, был связан с Ильей. Однако в более раннее время и даже еще в середине XIX в. представления об этом языческом божестве переплетались с представлениями о другом христианском святом — Василии Великом. Это подтверждается осетинским народным календарем и самим именем божества. Месяц, в котором праздновался день возрождения природы, называется у осетин-дигорцев Басилта (Васильев месяц) — первый месяц Нового года, соответствующий второй половине декабря и первой половине января. В «Кавказском календаре» на 1855 г. описан этот праздник у осетин и грузин. При этом отмечается, что обрядовое печенье, которое пекли осетины и грузины в канун Нового года, предназначалось святому Василию Великому, чествуемому православной церковью в первый день года и называемому у грузин Бациллой¹².

Канун Нового года в разных краях России назывался, как известно, Васильевым вечером или богатым вечером.

Уацилла, по представлениям осетин, распоряжался также молнией. Убитого молнией, равно как и пораженного ею, но оставшегося в живых, считали избранныком Уацилла. Поэтому оплакивать убитого молнией не полагалось; наоборот, у трупа собирались родные и соседи и исполняли «Цоппай» — ритуальный танец, сопровождаемый особой песней. После нескольких дней «празднеств» убитого погребали. Интересное описание погребения женщины, убитой молнией в Дигорском ущелье, оставил посетивший Осетию во второй половине XVIII в. путешественник Штедер: «Сильная гроза, часто наблюдавшаяся в предгорьях, погнала работавших в полях женщин в селения и в 50 шагах от моей палатки убила молодую женщину. После удара те, которые с ней шли, издали крик радости, стали петь и танцевать кругом убитой, все полевые работники, так же как и все жители селения, собрались вокруг танцующего круга, невзирая на то, что гроза продолжала бушевать. Их единственным и простым напевом был: «О Елаи! Ельдаер чоппей...»¹³. Штедер сообщает, что на убитую надели новые одежды и положили ее на подушки на том месте, где она была убита. Вокруг нее до ночи продолжались танцы. Празднество продолжалось 8 дней. За трупом следил местный знахарь, который при помощи лечебных трав предупреждал его разложение. Около убитой в течение всех 8 дней поддерживали огонь и в эти дни воздерживались от работ. На восьмой день тело положили на новую арбу, запряженную быками; быкам позволили идти, куда они хотели, и на том месте, где они остановились, его погребли.

Этот порядок похорон человека, убитого молнией, в основном сохранялся и до начала XX в. Так, осетины станицы Черноярской (в начале XIX в. в значительной своей части переселившиеся на равнину из Дигорского ущелья), по описанию З. Соснева, считали пораженных молнией избранныками божьими за чистоту их души. Хоронили таких покойников не на общем кладбище, а запрягали в совершенно новую арбу необученных еще черных бычков, клали на нее тело, выводили бычков в поле и пуска-

¹⁰ К. Хетагуров, Осетинская лира, М., 1839, стр. 53.

¹¹ М. М. Ковалевский, Современный обычай и древний закон (Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении), т. I, М., 1886.

¹² «Кавказский календарь на 1855 год», Тифлис, 1854, стр. 551.

¹³ «Осетины во второй половине XVIII века по наблюдениям путешественника Штедера», Подготовил к изданию и снабдил введением проф. Г. Кокиев, Орджоникидзе, 1940, стр. 48—49.

ли их без погонщика. За арбой следовали семь юношей и семь девушек. Там, где останавливались бычки, хоронили покойника. З. Соснев также сообщает, что по покойнику не плакали, а напротив, женщины, собравшись вокруг кургана, где он был погребен, пели песни, били в ладоши и танцевали. Курган этот впоследствии служил у черноярских осетин местом ежегодного принесения жертв в честь Уацилла. У этого же автора мы узнаем, что убитого молнией хоронили без священника и без совершения христианских обрядов¹⁴.

В некоторых других местах Осетии человека, убитого молнией, принято было хоронить на месте поражения. Дюбуа де Монпере сообщает, что убитого молнией у осетин считают святым и хоронят на месте, где он был убит; закалывают черного козла, набивают его шкуру соломой и подвешивают на шест над могилой нового святого, считая, что призвал его к себе св. Илья¹⁵.

Если после погребения убитого молнией на месте его поражения село постигала засуха, то ее приписывали гневу Уацилла. Тогда покойника вырывали и хоронили по древнему обычаю на том месте, где останавливались бычки, запряженные в арбу с телом умершего.

Человека, пораженного молнией, но оставшегося в живых, считали у осетин священным. В газетной заметке 1889 г. «Жертвоприношение Дзуару святому в селении Баткак-юрт» сообщается, что во второй половине XIX в. пастух этого селения, «пораженный громом», почитался как святой свыше 20 лет¹⁶. (Известно, что пораженных молнией у различных народов, по древним поверьям, считали у одних «святыми», а у других, наоборот, «грешными», разгневавшими божество молнии.)

В погребальном ритуале большое место занимал обряд оплакивания, так как слезы якобы облегчают судьбу покойного в загробном мире. Мужчины, приближаясь ко двору покойного, становились по четыре в ряд и, ударяя себя в лоб руками, громко причитали; затем парами входили в помещение, где находился покойник, и здесь били себя плетью по спине и затылку. Выходя из помещения, они передавали плети другой четверке, а сами шли во двор и становились в полукруг с печально опущенными головами. В день смерти в доме покойника широко раскрывали ворота, не закрывавшиеся до окончания похорон, и со всех окрестных сел без конца шли люди для оплакивания. К середине XIX в. истязание плетью уже не совершалось. Малоизвестные дому лица в оплакивании участия не принимали, лишь печально, с опущенной головой, входили во двор, стояли с минуту молча, затем выражали свое соболезнование фразой «Пусть будет светел» (Рухсаг уад) и присоединялись к стоявшим во дворе мужчинам. Женщины шли особо, также в ряд, плача и громко причитая; близкие родственницы покойника входили в дом, царапая себе лица и грудь. Женщины находились во время оплакивания не во дворе, а в доме.

Обычай запрещал жене говорить о муже. Вдове разрешалось нарушить обычай — в обряде оплакивания она единственный раз в жизни могла высказать свои чувства к мужу в громких причитаниях; мать также могла оплакивать ребенка. Но мужчина не должен был на людях высказывать свое горе при потере жены или детей, от него требовались сдержанность чувств и выносливость в горе. Запись погребальных обрядов говорит, что до начала XX в. существовал особый ритуал оплакивания при погребении молодых девушек. Одна из ее подруг играла на гармонике траурные мелодии. Сверстницы ее шли в дом с распущенными волосами. С покойной клали в могилу любимые ею при жизни вещи (так, если она была гармонисткой, то в могилу клали гармонию)¹⁷.

В наше время в социалистической Осетии такие архаические погребальные обряды, как посвящение коня, скачки и пр., уже не выполняются. Однако и сейчас еще часть колхозников совершает крайне разорительные поминки, хотя цикл поминок сильно сокращен. Для борьбы с этим необходимо пристальное внимание к вопросам изучения религиозных пережитков со стороны не только местных советских работников, но и специалистов-этнографов, помощь которых может оказаться весьма существенной.

¹⁴ З. Соснев, Станица Черноморская, «Терский сборник», вып. V, Владикавказ, 1903, стр. 55.

¹⁵ Dubois de Montpereaux, Указ. раб.

¹⁶ «Терские ведомости», 1889, № 73.

¹⁷ Запись Е. Т. Ревазовой со слов К. Кодзаева, 94 лет из селения Тиб, «Материалы этнолого-лингвистической экспедиции 1932 года», Архив Северо-Осетинского научно-исследовательского института, папка 23.